

"ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ" КАК НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА

Н.С. РОЗОВ

От дисциплинарного империализма – к Обществознанию Без Границ! (**"Шенгенский" проект интеграции социальных наук**)

Очень краткая история дисциплинарных "империализмов"

Экономический империализм (панэкономизм) – не первое и не последнее явление дисциплинарного империализма в истории познания. Попытки такой экспансии в соседние области совершались почти всеми дисциплинами, достигшими громких успехов, овладевшими новыми, продуктивными и широкими концептуальными подходами и методическими приемами. Механицизм, физикализм, "вульгарный материализм", многообразные версии биологизаторства (физиологизм, эволюционизм, органицизм, социобиология и проч.), кибернетика, системный анализ и системный подход, синергетика – лишь самые известные примеры, когда экспансия на смежные и отдаленные области ("империализм") ведется с позиций естествознания.

Империалистические наклонности в социогуманитарных науках и философии распространены не менее, а то и более, чем в естествознании. Социальная философия, философия истории, философия культуры и философская антропология мирно никогда не уживаются, поскольку бьются примерно за одну и ту же территорию. Начиная с Д. Юма, через Дж.Ст. Милля и В. Вундта, через З. Фрейда и Б. Скиннера к современным неофрейдистам, нейролингвистам и когнитологам, на обществознание волнами накатывает психологический империализм (панпсихологизм) – попытки описать и объяснить всю социально-историческую реальность, всю духовную культуру посредством сменяющих друг друга психологических понятий и моделей.

Не менее знамениты и влиятельны в своих сферах лингвистический поворот, структурализм и постструктурализм, продолжающиеся традиции последователей М. Фуко и Ж. Лакана, постмодернизм и подобные направления, описывающие все культурные и социальные реалии в терминах языка, текста, кодов, символов, дискурсов и проч. Соответствующее обширное движение вполне можно обозначить как "филологический империализм".

Социологический империализм (пансоциологизм), возможно, не столь агрессивен и амбициозен, сколь экономический, но не менее уверенно проникает буквально во все сферы социальной действительности и предметные поля соответствующих дисциплин, включая саму экономику (см. [Олейник 2008]), право, политику, управление,

Розов Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (Новосибирск).

культуру, религию, массовые коммуникации, образование, медицину, спорт и т.д. и т.п. В качестве примера укажу только на некоторые из исследовательских тем и интересов крупнейшего современного социолога Р. Коллинза (причем в каждой области он умудрился дать настолько яркие и свежие идеи, что его статьи и фрагменты книг помещают в соответствующих "ридерах" – учебных хрестоматиях по самым разным социальным дисциплинам):

- конфликтология, геополитическая динамика, теория революций и государственных распадов, военная социология и многообразие проявлений насилия, геополитическая концепция этнических трансформаций, геополитическая концепция происхождения демократии;

- историческая динамика развития рынков и типов собственности, истоки развития капитализма за пределами Европы;

- теория стратификации, динамика образовательной стратификации (инфляция дипломов), теория интеллектуальных сетей и "социология философий" (как явная экспансия в историю идей);

- организационный контроль и историческое развитие организаций, зависимость типов религии от форм концентрации ресурсов и обеспечения безопасности, воспроизводство и "нормальность" преступности;

- природа гендерного неравенства, социология брака и семьи, любовных отношений и сексуальности;

- ритуалы повседневной жизни, типы и модели разговоров, социологическое объяснение формирования разных типов личностей, заявка на социологизацию психиатрии;

- объяснение динамики эффектов массовых пропагандистских кампаний (борьба с курением, борьба с терроризмом) и т.д.

Всякое действие ведет к противодействию, и в истории идей хорошо известны контратаки в ответ на дисциплинарный империализм – экспансию из соседних и далеких областей. Наиболее знаменит *Methodenstreit* (спор о методе), возникший во второй половине XIX в. как протест немецкой гуманитарной профессуры против экспансии естественно-научной методологии и до сих пор возобновляющийся в виде борьбы "двух культур", споров "качественников" с "количественниками", "научных войн" и т.д. [Розов, 2008^б].

Некоторые крупные науки получили свою современную идентичность во многом благодаря отмежеванию от господствовавшего в XVIII–XIX вв. панпсихологизма, в том числе, социология (благодаря Э. Дюркгейму), лингвистика (благодаря Ф. де Соссюру), литературоведение (благодаря В. Проппу и Р. Якобсону), антропология (благодаря Б. Малиновскому, Ф. Боасу) и даже логика (благодаря Г. Фреге и Э. Гуссерлю).

Империалистические атаки и контратаки продолжаются. Так, совсем недавно я защищал философию от очередной попытки ее отмены – теперь со стороны таких блестящих социологов, как вышеупомянутый Коллинз и автор подхода "сравнительной социологии наблюдателей" С. Фукс [Коллинз, 2002; Fuchs 2001; Розов, 2008^а].

В этом историческом контексте экономический империализм предстает уже не грозной, невесть откуда взявшейся пагубой, а вполне типичным и предсказуемым паттерном конфликтной динамики по поводу нарушения междисциплинарных границ. Зададимся тремя вопросами:

- какая концептуальная модель наиболее адекватна для понимания и объяснения постоянно возобновляющихся феноменов дисциплинарного империализма?

- каков внутренний потенциал, ограничения и перспективы дальнейшей экспансии экономического империализма с точки зрения этих моделей?

- какой принципиальный путь разрешения междисциплинарных конфликтов обещает на современном этапе человеческого познания наиболее продуктивное продвижение в получении новых знаний о людях, обществах и культурах? Что для этого требуется от обществоведов?

Дисциплинарная экспансия в науке – от метафоры к геополитической модели

Империализм – термин из области международных отношений и геополитики, но когда говорят об империализме в научной сфере, например об экономическом империализме, как правило, используют этот термин не более, чем красочную метафору. Хорошо известна эвристическая польза метафор на начальных этапах познания, но действительно ощутимой она становится, когда вырастает в понятийную модель (концепцию) [Дубовцев, Розов, 2007].

Геополитическая метафора "империализма" появилась не случайно. Структуры конфликтных взаимодействий в разных сферах и на разных уровнях могут иметь сходные черты, некий изоморфизм. Сфера геополитики – все вопросы, связанные с военно-политическим контролем на территориях, то есть с теми, кто имеют действительную власть и способность принимать решения о порядке владения и использования подконтрольных пространств, устанавливать правила и требования, принуждать население к их выполнению, собирать и перераспределять налоги и пошлины.

В социальной организации науки есть своя "геополитика". В качестве "территорий" выступают предметные области, в которых есть свои "хартленды", – почти недоступные для других дисциплин области (например, состояния сознания и переживания для психологии, соотношение спроса, предложения и цен для экономики, разнообразие обрядовых практик для этнографии и т.д.), окраины и пограничные, ничейные зоны ("дисциплинарные лимитрофы"). Прямым аналогом военно-политического контроля над территориями выступает в науке управление основными дисциплинарными институтами: профильными исследовательскими центрами и учебными заведениями, соответствующими университетскими факультетами и кафедрами, профессиональными журналами, ассоциациями, организацией конгрессов, распределением грантов и проч. [Коллинз, 2002]. Таким образом, иерархия или сеть лиц, занимающих ключевые позиции в указанных социальных институтах некоторой дисциплины (например, социологии) – аналог "государства", которое противостоит на "внешней арене" другим "государствам" – сетям и иерархиям других дисциплин (например, экономики). Профессиональная принадлежность (а также идентичность) в отношении дисциплины вполне сопоставима с гражданством (а также чувством национальной идентичности, патриотизмом) в отношении государства.

Продвинутое интеллектуальное оснащение в науках, особенно владение изощренным математическим аппаратом, вполне можно уподобить преимуществу в вооружении, позволяющему одерживать верх в конфликтах, побеждать и вытеснять противников со спорных территорий. Аналогия не такая уж и абсурдная. Когда два экономиста среди правоведов, психологов или культурологов начинают с апломбом обсуждать что-нибудь вроде регрессионного анализа, остальные понижают голову, с ужасом или досадой осознавая свою полную некомпетентность в этих материях. Математические методы – мощное конкурентное оружие в интеллектуальной сфере, особенно по отношению к тем, кто его лишены. Да это просто "автомат Узи" в сравнении с "дедовской берданкой" политологов, а то и вовсе – "вилами и косами" историков и культурологов!

Отмежевание новой дисциплины от материнской (психология и логика от философии, физика и химия от натурфилософии) сходно с сепаратизмом и сецессией. Разделения внутри дисциплины при сохранении общих институтов (факультетов, кафедр, журналов, профессиональных сообществ) вполне можно уподобить разным формам федерализма.

Установив изоморфизм основных элементов, можно продвинуться глубже, например задаться вопросом, какие фундаментальные факторы способствуют успешному территориальному расширению одной державы за счет соседних. Согласно классическим концепциям, завоеванию способствуют геополитические ресурсы: население и его богатство (среднедушевой доход), приемлемый (не истощающий) уровень конвертации этих ресурсов в военную силу. Напротив, удаленность захватываемых террито-

рий повышает издержки и подрывает успех, сверхрасширение ведет к распаду империй [Коллинз, 2000; Стинчкомб, 2003].

Во-первых, отмечу наличие *паттерна сверхрасширения*, дискредитации и распада (как минимум, сжатия) некоторых, в свое время излишне раздувших свои претензии и амбиции, подходов. В этот ряд попадают гегелевская диалектика, психоанализ, структурализм, логицизм, кибернетика, общая теория систем, парсоновская система социологии, постмодернизм.

Во-вторых, сопоставив население территории числу активных исследователей в дисциплине, а богатство (среднедушевой доход) – фондам и субсидиям, предназначенным для проведения исследований, можно делать уверенные предсказания. Та дисциплина, в которой *больше число активных исследователей, больше финансовых возможностей* для исследований, рано или поздно полностью освоит свой "хартленд", свои окраины и непременно *начнет экспансию вовне, в соседние области*. И если там активных исследователей будет меньше, финансирование скуднее, а интеллектуальное оснащение более отсталое, то расширяющаяся дисциплина посягнет и на соседние "хартленды". Это и есть тот момент, когда жертвы экспансии начинают стенать об опасном империализме чужаков.

Корень профессиональной ревности – вопрос контроля над ресурсами

Никто не говорит об империализме и экспансии, когда ведется разработка пограничных зон и даже окраин предметных областей (здесь поются оды меж- и мультидисциплинарности, хотя реальная кооперация – нечастое явление). Раздражение вплоть до негодования и прямой силовой борьбы вызывает наступление представителей другой дисциплины на свой "хартленд".

Откуда же столько негативных страстей, когда одни ученые вдруг начинают заниматься областями, "принадлежащими" другим ученым? Дисциплинарная экспансия (и империализм как многосторонняя массированная экспансия) только в смысловом, содержательном плане является конфликтом идей. В интеллектуальной истории яркий случай прямой организационной борьбы описан Коллинзом как "университетская революция", когда в Пруссии начала XIX в. философы, вооружившись немецким идеализмом И. Канта, И. Фихте и Г. Гегеля, используя интерес государства к расширенной подготовке инженеров, чиновников, преподавателей и ученых, свергли с руководящих позиций теологов, создали и возглавили университеты новой исследовательской модели, которая стала образцом для реформирования университетов в Европе и дальнейшего создания новых университетов во всех других странах и частях света [Коллинз, 2002, гл. 12].

В социальном аспекте дисциплинарная экспансия затрагивает главные универсалии социологии и их воплощение в социальной организации науки:

- *власть* (господство в вышеуказанных профессиональных институтах);
- *престиж* (легитимность этой власти, статус, репутация в глазах профессионального сообщества, государства, общества в целом);
- *богатство* (контроль над материальными ресурсами, прежде всего распределение бюджета, управление ставками, доступ к источникам финансовой поддержки – госбюджету, всевозможным фондам, заказчикам, спонсорам, что напрямую зависит как от власти в профессиональных институтах, так и от профессионального престижа).

В отношении всей сферы обществознания наша геополитическая модель позволяет предсказать неуклонное повышение междисциплинарных напряжений и конфликтности. Вероятно, текущая дискуссия об экономическом империализме – только начало. Дело в том, что социально-историческая действительность едина, *все ранее проведенные дисциплинарные границы условны и временны*, абсолютно недоступных чужакам "хартлендов" уже сейчас мало, а со временем и вовсе не будет.

Практически каждое цельное явление (от брака, написания книги, съемки фильма и создания фирмы до появления нового города или государства, от развода и банкротства до кризиса и государственного распада) имеет явные или неявные правовые, экономические, политические, культурные, исторические, образовательные, психологические, антропологические и прочие аспекты. Соответственно, огромен конфликтный потенциал перекрывающихся интерпретаций со стороны разных дисциплин.

Что же теперь – наращивать административные мускулы, чтобы отбиваться от чужаков и самим захватывать чужие предметные поля? Есть ли более цивилизованная стратегия? Позже вернемся к этим вопросам, а теперь рассмотрим экономический империализм с позиций нашей геополитической модели.

В чем сила экономического империализма

Отнюдь не убедительна мысль о том, что экономическая наука начала широкомасштабную экспансию на соседние области из-за внутреннего кризиса и осознания собственной ущербности. Говорить можно только о росте критичности ученых-экономистов по отношению к прежним упрощенным абстрактным моделям (свободный равноправный рынок, рациональный, максимизирующий полезность выбор и т.д.). Критичность по отношению к собственным моделям, стремление и способность их трансформировать и обогащать – свидетельство здорового и динамичного развития науки, но никак не кризиса и ущербности (ср. [Гуриев, 2008; Тамбовцев, 2008]).

По всем признакам геополитической модели экономическая наука *могла и должна была расширять свои претензии на новые области*. Везде в мире, и особенно активно в США, учат бизнесу. Для этого требуются многие тысячи профессоров. Чтобы получать степени и академические позиции им нужно вести оригинальные исследования, печататься в престижных профессиональных журналах, выпускать книги в солидных сериях и издательствах. Благодаря корпорациям выпускников и многочисленным фондам, денег на такие исследования всегда достаточно, во всяком случае, гораздо больше, чем могут получить социологи, культурологи, психологи, правоведы и даже политологи. Нельзя не признать и преимущество по сравнению с другими исследователями современных ученых-экономистов в вооруженности математическими методами.

Правда, здесь есть две тонкости. Некоторые отрасли экспериментальной психологии, социологии и политической науки давно и успешно используют математический аппарат (статистику, факторный анализ, матмоделирование и т.д.). Однако во всех таких случаях данные отрасли являются пусть не экзотикой, но никак не мейнстримом исследовательских практик. В экономической же науке, напротив, профессиональные статьи без формул, расчетов и моделей – редкое явление. В ведущих журналах такие сугубо методологические ("гуманитарные") статьи позволено публиковать разве что признанным корифеям.

Другой момент, который также дает большое преимущество ученым-экономистам в сравнении с другими обществоведами, – *нормативный подход и способность к точной экспликации заявленных нормативных суждений и ценностей, к измерению соответствующих показателей*. Последние выступают здесь, как правило, в форме функций "полезности", "общественной пользы" и т.п. Сколько бы ни иронизировали аутсайдеры по поводу "примитивности" и "плоскости" экономических критериев пользы, блага и добра, четкие нормативные представления, допускающие рефлекссию, уточнение, концептуальное обогащение, – всегда большое преимущество над расплывчатыми сугубо гуманитарными рассуждениями об "истинных ценностях", тем более, перед нередким полным отказом от нормативных суждений, релятивизмом под масками принципов "объективности", "ценностной нейтральности", "мультикультуральности" и "политкорректности".

Обществу и государству нужна от социальной науки прежде всего *помощь в понимании и решении практических проблем*, в том числе, в "лечении" типовых социальных недугов, таких как кризисы, деградация институтов, асоциальное поведение, наси-

лие, преступность, наркомания, самоубийства и т.п. Социальные исследователи воспринимаются извне как *эксперты по состоянию общества и культуры*. Хотят они того или нет, но к ним относятся, как к врачам (экспертам по человеческому организму). Если же врач отказывается судить о том, что такое здоровье, твердит, что не верит ни в какие измерения, поскольку те "слишком упрощают непомерную сложность происходящего в организме" (то есть и от градусника отрешивается), а вместо диагноза представляет запутанные рассуждения о неоднозначности представлений о том, что такое болезнь и здоровье в разных культурах и эпохах, то люди пойдут к другому врачу – с четкими взглядами, современной диагностической аппаратурой, способностью указать на причины болезни и предложить ясный курс лечения. Таким образом, имеются вполне очевидные достоинства современной математизированной экономической теории – основания и средства многосторонней экспансии на "чужие" предметные области:

- широкие и гибкие понятия и модели рационального выбора, игры и правил игры, полезности, стратегий, интересов, стимулов, обменов, рынков, ресурсов, издержек, а также контрактов и институтов в социологизированных версиях;

- умение операционализировать общие понятия в применении к конкретным задачам (в том числе далеким от классических экономических) и имеющимся наборам численных данных;

- владение разнообразными, нередко весьма рафинированными математическими методами обработки данных и проверки гипотез;

- смелость нормативных суждений – постулирование критериев оптимальности (общественной пользы и проч.) в сочетании с умением переводить социальные проблемы в исследовательские задачи, а результаты решения последних – в конкретные практические рекомендации.

Нет ничего удивительного, что ученые-экономисты с такой внушительной экипировкой отважно и зачастую успешно вторгаются в области, традиционно считавшиеся епархиями социологии, правоведения, политических наук, психологии, истории и т.д.

Уязвимость "прогрессорства"

Тем не менее повсеместно самими "жертвами экспансии" такой империализм отторгается. Почему? Экономисты в данном случае напоминают прогрессоров из романов А. и Б. Стругацких, особенно тех, кто удивляются, почему народы других планет так упорствуют, когда их волоком тащат в светлое будущее. Впрочем, в данном пункте аналогия явно хромает: никого и никуда экономисты не тащат, скорее, совершают вылазки в чужие экзотические территории за ценными экспонатами, особенно не интересуюсь отношением к себе безнадежно отсталых туземцев¹.

Если от фантастики обратиться вновь к геополитической модели, то экономический империализм на нынешней стадии – это даже еще не колониализм, а нечто вроде Королевского географического общества, где джентльмены-путешественники хвастают друг перед другом теми редкостями, которые они сумели добыть в далеких враждебных странах, населенных невежественными дикарями. Если где-то этот начальный этап демонстративного презрения к доморощенным "достижениям" туземцев преодолевается, то начинается стадия "колониальная". Тогда с "туземцами" – представителями захватываемых дисциплин – приходится общаться уже на постоянной основе, как-то находить общий язык.

Впрочем, апломб колонистов отнюдь не исчезает, они, понимая по-своему "миссию белого человека", начинают навязывать туземцам свои стандарты жизни и мировоз-

¹ Яркий пример – статья К. Яновского, который неизменно помещает в кавычки все "общественные науки" и, по сути, отказывает им в самом статусе научности, признавая его только за своей математизированной экономикой [Яновский, 2009].

зрения. Действительно, при всяком дисциплинарном империализме, например экономическом, всем смежным дисциплинам пытаются навязать свой экономический же стандарт – методологический индивидуализм, идеи рационального выбора и расчета полезности, собственные численные методы. Ясно, что на этом поле перманентным преимуществом будут обладать *только сами экономисты* – подданные империи, ведущей интеллектуальную экспансию. Высокомерие экономистов², вступающих на "чужие" дисциплинарные территории, пренебрежение к тем, кто их возделывали поколениями, вполне сравнимо с отношением отлично экипированных американских военных по отношению к местному иракскому или афганскому населению. Вполне понятно и ответное раздражение, что всегда чревато новыми вспышками силовой борьбы.

Слабость экономического империализма – обратная сторона его силы. Эта слабость – в отсутствии желания и/или способности вступать в равноправный диалог с представителями других дисциплин, в неумении представить свои экономические и математические подходы как полезные для решения знакомых "местным" специалистам проблем и споров. Не случайно результаты своей дисциплинарной экспансии экономисты публикуют именно в своих экономических же журналах. Также и антропологи пишут свои тексты для других антропологов, а не для туземцев. Профессору интереснее беседовать с другим профессором, а не с представителем осчастливленной планеты. Возможен ли иной паттерн взаимодействия? Да, такой просматривается, но для этого нам придется выйти за пределы геополитической модели.

Геокультурная экспансия как соблазн качеством

Геополитика – далеко не всегда насилие, принуждение и война; важную роль играют также престиж и легитимность. Равным образом и геокультурная экспансия в реальной истории вовсе не является невинным агнцем: религии и идеологии, новые кни-

² "Только при помощи количественных аргументов наука умеет решать, какие теории верны, а какие нет. В соответствии с рассуждениями знаменитого философа Т. Куна, только та теория чего-нибудь стоит, которая может быть отвергнута данными. Именно экономический империализм и приносит в общественные науки методологию верификации и фальсификации теории. Поэтому экономический империализм – это необходимое условие развития других общественных наук" [Гуриев, 2008, с. 140–141]. В данном пассаже уважаемый С. Гуриев умудрился вставить сразу несколько ошибок, очень характерных для амбициозного "прогрессорства" на чужих территориях.

Как в естественных (геология, палеонтология, биология, химия), так и в социальных науках (психология, социология, политология, этнология) весьма развиты вполне строгие *качественные* методы с логикой индуктивных и дедуктивных выводов, например, подход *INUS*-условия по Дж.Маки, аппарат булевой алгебры по Ч. Рэгину, макрокаузальный анализ по Т. Скочпол и М. Соммерс и т.д. [Разработка... 2001, ч. 1]. Также неверно приписывать принципы верифицируемости (М. Шлик, Р. Карнап, Г. Рейхенбах и др.) и фальсифицируемости (К. Поппер и И. Лакатос) релятивисту Т. Куну, который, скорее, не развивал, а пытался подорвать общие принципы обоснования теорий.

Кроме того, эти давно ставшие общенаучными принципы вовсе некорректно считать методологическими новшествами, которые экономисты "в пробковых шлемах" милостиво даруют диким "туземцам" – остальным обществоведам. Данные принципы не в меньшей степени являются достоянием социологии, экспериментальной психологии, этнологии, сравнительной политологии, теоретической и математической истории (клиодинамики). О применении гипотетико-дедуктивного метода в исследованиях по фольклористике (Пропп) и сравнительном языкознании (Дж. Гринберг) справедливо пишет В. Тамбовцев [Тамбовцев, 2008].

Что же касается самих количественных методов, то и они отнюдь не являются новшеством и монопольным достоянием экономистов, например, численные закономерности процессов восприятия (закон Вундта-Фехнера и проч.), разработка и применение методов факторного анализа в психологии (Ч. Спирмен, Р. Кетелл, Л. Терстоун) появились в конце XIX в. и в начале XX в. – задолго до основных успехов математической экономики. О преимуществах социологии над экономикой в развитии и использовании методов обработки количественных данных, особенно в области вычленения причинно-следственных связей с помощью частных коэффициентов корреляции в регрессионном анализе, пишет А. Олейник [Олейник, 2008].

ги, даже способы развлечения и типы досуга нередко приносились на штыках и навязывались силой. Далее будут говорить, скорее, об идеализированной модели геокультурной экспансии, которая ориентируется, главным образом, на формирование и удовлетворение культурных, духовных потребностей, то есть действует не через принудительное навязывание, а через *соблазн качеством*³.

Исчезает ли при этом подходе объективная конфликтность в сфере общественнознания (сфера одна, а интерпретирующих дисциплин много)? Нет, не исчезает, но конфликты обретают форму уже не силовой борьбы, а конкуренции за публику, потребителя и заказчика. Вместо спора о том, чья это предметная область и насколько законны вторжения в нее чужаков (что всегда чревато взаимными обвинениями и силовой борьбой), получаем совсем иную картину. Нам предлагают разные книги, фильмы, театральные постановки, причем как отечественные, так и иностранного производства, а мы – публика – ногами и рублями голосуем за ту или иную альтернативу.

Аналогия вполне прозрачна. В роли "публики" предстают *читатели научных книг и журналов*. В роли культурных продуктов – разного рода *интерпретации* (описания, объяснения, модели, концепции, теории) социально-исторических явлений и процессов. Вместо "голосования ногами и рублями" выступает *признание* – использование читателями результатов и идей в своих последующих исследованиях и текстах, что внешне выражается, в частности, в цитируемости.

Жесткая геополитическая – протекционистская – логика такова: допускать на рынок только отечественное (печатать в своих профессиональных журналах только коллег по цеху), давать отпор экспансии чужаков. Мягкая геокультурная логика (напоминую – в идеализированном варианте) совсем иная: допускать на рынок любую продукцию, лишь бы отвечала стандартам качества и была доступна потребителям (печатать в своих профессиональных журналах коллег из других дисциплин, но чтобы эти статьи были понятны и значимы для своих читателей).

Стирание перегородок – "шенгенский" принцип в общественнознании

Устранение границ – благой призыв, но чреватый хаосом. Социальные универсалии – власть, престиж и богатство – никогда не исчезнут, их воплощения в науке никогда не перестанут быть значимыми. Что станет с исследовательскими центрами, факультетами и кафедрами, профессиональными журналами и ассоциациями даже при частичном выполнении нашего утопического проекта стирания междисциплинарных границ?

Неплохая аналогия – современная объединенная Европа. Столетиями здесь шли войны, создавались и рушились империи, постоянно передвигались границы, воздвигались таможенные барьеры. Теперь каждая страна остается на месте, но люди и товары свободно перемещаются, появилась даже общая валюта. В чем-то ситуация стала напряженнее – теперь немец конкурирует за рабочее место не только с немцами, но еще с чехами и поляками. В чем-то стало гораздо свободнее и вольготнее – с поездками, с выбором работы и места жительства, с разнообразием предлагаемых товаров и услуг.

Аналогию "Шенгена" с устранением внутренних перегородок в общественнознании можно развивать в разных направлениях. Возьмем самый главный аспект: преимущество добровольно принятой странами *единой валюты и общих правил конкуренции* над прежними империалистическими попытками тех же стран навязать всем *свою* валюту и дать преимущество только *своим* гражданам.

Что же может стать аналогом добровольно принимаемой сторонами единой валюты? За ответом на этот вопрос далеко ходить не надо. Есть общенаучные принципы проверки (верификации, фальсификации) гипотез, критерии объяснительной и пред-

³ В паре с геополитическим империализмом выступает геоэкономическая экспансия, но о ней здесь говорить не будем, поскольку обычно она представляет собой нечто среднее (с флуктуациями, разумеется) между главным принципом геополитики – принуждением и главным принципом геокультуры – соблазном.

сказательной силы, воспроизводимости и т.д. Есть важный методологический принцип "объемности видения": результат тем достовернее, чем более разнообразные подходы и методы указывают на него независимым образом. Есть прагматические критерии, касающиеся работоспособности, эффективности конструкций, построенных на основе выявленных закономерностей. Общая валюта – основа для общего рынка. Общие методологические стандарты – основа для равной конкуренции моделей, концепций, теорий из разных дисциплин в соревновании за лучшее научное объяснение.

Пример преодоления междисциплинарной несоизмеримости

Для наглядности заимствуем простой пример у В. Радаева. Он пишет: "Предположим, что молодой человек уступает место в метро девушке. Это можно считать эгоистическим побуждением, а можно проявлением специфической социальной нормы. Экономист обратит внимание на первое, социолог – на второе. И оба окажутся правы. Если же кто-то начнет доказывать, что его взгляд единственно верный, он превращается в одиозную фигуру" [Радаев, 2008, с. 117].

Фактически здесь неявным образом проводится давняя философская идея о несоизмеримости и равноправии парадигм (ср. с агностицизмом Д. Юма и релятивизмом Т. Куна). Все несогласные гуртом объявляются "одиозными фигурами".

На мой же взгляд (вероятно, вполне одиозный), *агностицизм и релятивизм не развивают, а блокируют развитие познания*. Допустим, сравнение интерпретаций такого частного явления повседневности оказалось по каким-то причинам значимым. Неужели наука не обладает подходами для того, чтобы определить, какая концепция более достоверна? Уже Э. Дюркгейм в своем блестящем исследовании самоубийств показал образец проверки конкурирующих гипотез [Дюркгейм, 1998]. Четко эксплицировал эту логику А. Стинчкомб [Stinchcombe, 1987; Разработка... 2001, с. 123–128].

Не такой уж и бином Ньютона – сравнение разных интерпретаций, лишь бы они были конструктивны, то есть включали ясные понятия и суждения, допускающие проверку опытом. Принципиальный ход в упомянутом выше случае состоит в систематическом продуцировании эмпирических гипотез, основанных на "гипотезе эгоизма" и "гипотезе следования норме". Далее, на основе опросов, систематических наблюдений, социально-психологических экспериментов можно отдать предпочтение той или иной. Скорее всего, будет выявлено разнообразие в поведении разных групп молодых людей, по отношению к разным группам девушек и женщин, с учетом разного непосредственного социального окружения.

Наибольший интерес представляют логические аналоги "критических экспериментов", когда молодой человек должен поступить по-разному в зависимости от того, верна та или другая гипотеза. Например, может быть верна гипотеза "Молодой человек *следует моральной норме* уступать место пожилым женщинам вне зависимости от их социального статуса" или гипотеза "Молодой человек уступит место роскошно одетой девушке или даме из *эгоистического стремления* казаться себе и другим причастным к высшему слою общества".

Конечно, можно опираться на наблюдения, можно составлять хитроумные вопросы, но наиболее надежным представляется социальный эксперимент. Набирается, наряжается и гримируется специальная команда-1 "светских львиц" и команда-2 "пожилых простушек", которые парами совершают рейды в общественном транспорте и фиксируют, как часто и какого типа молодые люди уступают им место, а если уступают, то кому из двух; затем эти же экспериментаторы могут и спросить молодых людей о мотивах того или иного поведения.

Тут уже будут некие численные данные, пригодные для математической обработки и интерпретации. Социологи и экономисты могут легко развить концепцию, добавив новые параметры (например, классовое происхождение и карьерные перспективы молодых людей). Важно, что появляется некое общее поле интеллектуального внимания, в котором общий интерес и общий язык находят разные специалисты, носители

разных "парадигм". Последние несовместимы лишь до тех пор, пока не налажена систематическая коммуникация между их носителями – интеллектуальными сообществами [Коллинз, 2002].

Этот простой пример призван показать, что при принятии общенаучных стандартов эмпирической проверки гипотез вполне можно и нужно справляться с разнородностью, казалось бы, "несоизмеримых" научных языков, концепций и парадигм, сталкивать их представителей не в идеологических баталиях, а в конкретной исследовательской практике. Кроме того, современная социальная теория уже достаточно развита и может предложить для решения проблем такого рода неплохо разработанные представления об "институциональных сферах" (Дж. Тернер), "сферах справедливости" (М. Уолцер), "мирах" (Л. Болтански и Л. Тевено) и т.д. (см. [Олейник, 2008]). Внутри каждой такой сферы имеются свои признанные участниками "блага", служащие общими знаменателями внутри сферы и прямо соотносимые с "ценностями" [Розов, 1998].

Рассмотренный пример с (не)уступанием места в общественном транспорте вполне надежно свидетельствует о неадекватности в данном случае такого претендента на роль общего знаменателя для разных сфер, как деньги. Зато иной претендент из социологии Коллинза – эмоции, а также ожидание получить некую долю "эмоциональной энергии" при участии в том или ином "интерактивном ритуале" – представляется вполне перспективным в качестве "общего знаменателя", по крайней мере как начальная эвристика⁴.

Насколько утопично Обществознание Без Границ?

Разные валюты несоизмеримы только до тех пор, пока не возникают систематическая торговля и обменные лавки. Благотворные способы международного взаимодействия – не захваты и не попытки оградиться от вторжений, а постоянные обмены, коммуникация. Наиболее же продуктивной, к тому же способствующая взаимопониманию и солидарности – работа в совместных проектах. Даже в период "холодной войны" русские и американцы это хорошо продемонстрировали в космосе. Вот почему магистральный путь стирания междисциплинарных перегородок – это расширяющееся планирование и выполнение общих исследовательских проектов. Такие проекты "геополитически" не ущемляют участников, скорее, повышают престиж каждого в глазах коллег.

Профессиональные институты, в том числе профильные журналы, остаются на месте. Ни о каком "слиянии" и "поглощении" речи не идет. Полученные результаты придется излагать в нескольких вариантах, например, на языке экономики, социологии, политологии, правоведения и психологии, что никак не исключает и соавторства.

Не вижу принципиальных препятствий тому, чтобы некоторые представители разных социальных дисциплин решили вместо взаимных нападок, попыток "империалистической экспансии" и отгораживания от внешних вторжений, наконец-то, подобно "врачам без границ", делать общее благое дело (замечу в скобках: никто из врачей от своего гражданства не отказывался). Между прочим, сам журнал "Общественные науки и современность" создавался и живет на основе этих принципов, поэтому вполне закономерно и символично, что дискуссия о междисциплинарных отношениях развернулась именно здесь, что здесь появился и мой скромный манифест.

Обществознание Без Границ подразумевает не только широкое распространение междисциплинарных проектов, но также существенное взаимопроникновение про-

⁴ «Эмоциональная энергия – это общий знаменатель в условиях, при которых индивиды выбирают между альтернативными интерактивными ритуалами. Будет ли кто-либо более вовлечен в церковную службу, в политическое состязание или в разговор "по душам" – определяется ожиданиями каждого индивида относительно количества эмоциональной энергии, получаемой от той или иной ситуации» [Collins, 2004, p. 158].

фессиональных научных институтов. Все "государства" остаются на местах, но повсеместно увеличивается взаимное присутствие:

- в журналах поощряется мультидисциплинарное соавторство;
- в учебных заведениях читается гораздо больше перекрестных курсов, поощряются курсовые и дипломные исследования междисциплинарного характера;
- в профильных исследовательских центрах появляется полное представительство всех смежных дисциплин;
- на профессиональных конгрессах больше проводится междисциплинарных секций.

Конечно же, всегда возникают трудности и трения по поводу руководства и организации, источников и порядка распределения финансирования совместных исследований, относительно авторских приоритетов, и т.п. Однако опыт показывает, что при доброй воле участников, взаимном уважении и доверии, при действительном желании совместно использовать разнообразные традиции и подходы в продвижении *Познания* все эти проблемы решаются. Собственно, данная статья о сущности и способе преодоления дисциплинарного империализма как раз и направлена на то, чтобы пробудить и поддержать у обществоведов эту добрую волю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гуриев С.М. Три источника – три составные части экономического империализма // *Общественные науки и современность*. 2008. № 3.

Дубовцев В.А., Розов Н.С. Природа "русской власти": от метафор – к концепции // *Полис*. 2007. № 3.

Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1998.

Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса // *Время мира*. Новосибирск, 2000. Вып. 1.

Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.

Олейник А.Н. Расширенная версия теоремы Коуза и пределы экономического империализма // *Общественные науки и современность*. 2008. № 4.

Радаев В.В. Экономические империалисты наступают! Что делать социологам? // *Общественные науки и современность*. 2008. № 6.

Разработка и апробация метода теоретической истории. Вып. 1 серии коллективных монографий "Теоретическая история и макросоциология". Новосибирск, 2001.

Розов Н.С. Социологическая "отмена философии" – вызов, заслуживающий размышления и ответа // *Вопросы философии*. 2008^a. № 3.

Розов Н.С. "Спор о методе", школа "Анналов" и перспективы социально-исторического познания // *Общественные науки и современность*. 2008. №1.

Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск, 1998.

Стинчкомб А. Геополитические понятия и военная уязвимость // *Структуры истории*. Альманах "Время мира". Вып. 3. Новосибирск, 2003.

Тамбовцев В.Л. Перспективы экономического империализма // *Общественные науки и современность*. 2008. № 5.

Яновский К.Э. Несколько примеров методологии, или "Экономистам не в чем каяться"! // *Общественные науки и современность*. 2009. № 2.

Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton–Oxford, 2004.

Fuchs S. *Against Essentialism. A Theory of Culture and Society*. Harvard University Press. 2001.

Stinchcombe A. *Constructing Social Theories*. Chicago–London, 1987.